

Народныя воззрѣнія и черты народнаго быта по „Причитаньямъ Сѣвернаго края“.

Причитанья (надгробныя пѣсни), наравнѣ съ другими произведеніями непосредственнаго народнаго творчества, могутъ служить матеріаломъ для знакомства съ народными воззрѣніями и народнымъ бытомъ: въ нихъ мы встрѣчаемъ народныя представленія о смерти, душѣ, загробной жизни; въ нихъ характеризуются семейныя отношенія; въ нихъ очерчиваются нѣкоторые лица, дѣйствующія среди крестьянъ въ качествѣ представителей власти, благочинія.

Раземотримъ же *причитанья* со стороны встрѣчающихся въ нихъ народныхъ воззрѣній и чертъ народнаго быта.

Смерть, этотъ, по выраженію одного нашего поэта, „страхъ и трепетъ естества,“ въ *причитаньяхъ* называется злодѣйкой—душегубицей; она пробирается въ домъ тайкомъ, *крадучись*, въ образѣ то молодой жены, то красной дѣвицы, то калѣки перехожей, то сизаго голубка, то чернаго ворона. Она обыкновенно предвѣщается появленіемъ на *хоромномъ строеніи* лѣсовой птицы незнамой, которая *укаетъ* по звѣриному, свищетъ по змѣиному и возбуждаетъ въ обитателяхъ строенія, конечно, страхъ, ужасъ, *полохъ*. Чтобы не пустить ее въ домъ, готовы заложить „желѣзные заложечки“, вступить съ нею въ бой съ оружіемъ въ рукахъ („оружіемъ лходѣйку застрѣлить, съ пистолета злодѣйку запалить“), подкупить ее то *безчетной золотой казной*, то *покрытой* (одеждой, нарядомъ) *цвѣтной, пѣтвицками сахарными, питицами медьяными*. Самый моментъ смерти считается священнымъ. Присутствовать при этомъ моментѣ—обязанность родственниковъ умирающаго. Неудосижившіеся присутствовать при немъ обыкновенно выражаютъ горькое сожалѣніе. При неизбежности смерти, отъ которой „и богатые кушцы не откупаются и цари не попираются,“ выражается убѣжденіе, что „Господомъ Владыкой обзаконено, сколько на роду то вѣкушки (вѣку, жизни) уписано“ человѣку. Смерть преждевременная, притомъ нежданная—не гаданная, внезапная—слѣдствіе тяжкаго грѣха, недостаточно усердной молитвы къ Богу. Застигнутые внезапною смертью близкаго кровнаго, причитываютъ:

„Предъ Господомъ Владыкой согрѣшили, знать,—
Видно тяжкаго грѣха да залучили,
Мы въ воскресный день въ церковь не ходили,
Мы молебновъ, горюши, не служили—
Какъ Пречистой Пресвятой да Богородицѣ
Мы не ставили свѣщи да все рублевыи,
Мы не клали пелены да все шелковыи,
Отъ желаньяца мы Богу не молилися“.

Человѣкъ поражается молніей, пущенной Ильей пророкомъ, за то, что *не ходилъ въ Божью церковь, не молился Богу отъ желаньяца, о душѣ своей не спаживался* (не спохватывался, не заботился, не радѣлъ), *въ тяжкихъ грѣхахъ попу не жался*. Утопающій въ бурную погоду во время рыбной ловли тонетъ за то, что съ со-

судьями не простился, Милосердому Владыкѣ не молился, свѣчей воску ярова не затоплялъ. Погибающій отъ пьянства умираетъ внезапно и умираетъ безъ покаянія за свое „велико беззаконіе“. Честно отійти умершаго въ церкви и затѣмъ поминать его вѣчно и особенно въ теченіе *шести уреченныхъ недѣль* считается священнымъ долгомъ со стороны близкихъ родныхъ покойнаго. Чтобы вознаградить поповъ—отцовъ духовныхъ за ихъ *труды правесные* при поминаніи, близкіе родственники усопшаго готовы бываютъ поступиться и *лошадкою ступиистою*, и *коровушкою удоистой* и *цвѣтнымъ платищемъ*, если, конечно, не случится при этомъ свободныхъ денегъ.

Душа, растающаяся при смерти съ тѣломъ, уподобляется поднимающемуся кверху облаку, закатывающемуся красному солнышку, скрывающемуся за облака свѣтлому мѣсяцу, исчезающей звѣздѣ поднебесной. Встрѣчаются нерѣдко и зоолорфическіе образы для представленія души умершаго: она олицетворяется въ образахъ малой иташечки, черной галочки, сѣраго заюшка, горностаюшка; иногда для того же представленія употребляются и антропоморфическіе образы—образы добраго молодца, калѣки переходжея и даже купца Московскаго. Будущая жизнь называется инымъ, неизвѣстнымъ вѣковѣчнымъ живленьемъ (жизнью, житіемъ). Будущее мѣстопробываніе души представляется царствомъ свѣта и тепла: умершіе отправляются „къ красному солнышку—на поберегушку, къ свѣтлу мѣсяцу—на придрокушку (нѣжный уходъ), къ лунѣ подвосточной, вровень съ облаками ходящими, за темныя лѣса за дремучіе, за высокія горы за толкучія, за синія моря за глубокія“.

Хотя сознается, что мертвые съ того свѣта къ живымъ на землѣ не являются („вѣкъ тое въ свѣтъ не сбывается, што мертвыи съ могилы ворочается“), однако, оплакивающіе умершаго выражаютъ желаніе, чтобы онъ явился къ нимъ въ гости, посмотрѣлъ на ихъ живленьце (житье, бытѣ), вмѣстѣ съ ними думушку подумать, словечко переремолвить. При вѣрѣ въ духовную связь живыхъ съ умершими, оплакивающіе послѣднихъ просятъ иногда ихъ, въ случаѣ встрѣчи на томъ свѣтѣ съ раньше умершими, передать этимъ послѣднимъ грамотку или разсказать на словахъ про ихъ „живленьце“ въ здѣшнемъ мірѣ.

Родственные семейныя отношенія среди крестьянъ глубоко уважаются не только въ близкихъ степеняхъ, но и болѣе или менѣе отдаленныхъ: въ *причитаньяхъ* нѣжно оплакиваются не только отецъ, мать, жена, дочь, сынъ, братъ и сестра, дядя, но и двоюродные братья и двоюродные дядья и даже сваты. Члены семьи опредѣляются соотвѣтственно своей роли въ семействѣ. Главный членъ, конечно, *отецъ, мужъ*. Онъ называется *большакомъ по дому, настоятелемъ, крестьянской жириушки* (дома, избы) *правителемъ, пахаремъ на чистыхъ полосушкахъ, сѣнокосцемъ на луговыхъ поженкахъ, рыболовушкою на синемъ Онеушкѣ*; безъ него въ семьѣ нѣтъ *надеженьки*, нѣтъ *великой оборонушки*; безъ него трудно растить дѣтушекъ, не въ моготу вести трудную крестьянскую работушку; словомъ, „стоять дому безъ хозяина“ все равно что „жить церкви безъ священника, часовни безъ старосты, деревнѣ безъ десятиника“.—*Мать* называется желанной, жалостивой; безъ нея „тепло гнѣздышко раззорится; расти дѣвушкѣ матери все равно, что быть матушкѣ-землѣ безъ пахаря; „поостаться отъ родителя

отъ матушки, надо ластушкой летать да кругомъ людושекъ, надо плеточкой кругъ ихъ да обвиватися, точно бѣлочкѣ въ глаза имъ да посматривать“. Въ одномъ причитаньѣ встрѣчаемъ такое изображеніе трудности положенія мужа безъ жены, дѣтей безъ матери:

„Дума думушку бурлака пошибае,
Умъ за разумъ у дородня забѣгае,
Какъ то жить да безъ любимой семейшки: *)
Надо растить то сердечю мало дитятко.
Кто носить буде на бѣлыхъ его рученькахъ,
Кто истопитъ теплы, парны эти баянки,
Кто умоетъ его бѣло это личушко,
Кто учешетъ его бладуго головушку,
Кто справлять буде да тонки бѣлы рубашеньки,
Устилать буде пухову что перинушку?
Безъ своей да ты семейшки любимой,
Съ кѣмъ то думать будешь крѣпку эту думушку?
Кто скажется до бѣднаго до дитятка?

Въ другомъ причитаньѣ находимъ изображеніе жены въ идеальныхъ чертахъ:

„Была умная... любимая,
Обходная со добрыма со людushmanъ,
Какъ уцѣлива со породой именитой;
Была на слово она да не спѣсивая,
На ричахъ была она да не бросливая;
Остудушки въ семьѣ не возводила,
Безотвѣтна была бѣлая лебедушка;
Почитала Богоданныхъ родителей,
Воскликнула Богодану свою матушку;
Пройде бранное словечко несговорное,
Хоть у васъ тамъ во семейшкѣ любимой,
Со милыма вѣтляныма **) нетуточкамъ ***),
Ставе по избы голубушка похаживать,
Вѣтъ тутъ ласковы словечка приговаривать:
Не грубите, свѣты братцы Богоданы,
Не спѣсивая, Богодана моя матушка,
Вы межъ ду-другомъ желанны не сердитесь-ко,
Не узнали того добрыи бы людushmanи,
Што содомъ есть во любимой семейшкѣ.
Какъ на улличкѣ ходила хорошихонько,
Говорила тутъ съ сосѣды веселехонько,
Не въ проносъ было сосѣдамъ спорядовымъ,
Не въ розказъ да было срозчатъ—милымъ сродникамъ,
Што вѣдь здоръ (раздери) живетъ въ семейшкѣ любимой“.

Въ сыныъ выставляются добрыя симпатичныя черты:

„Былъ старатель до крестьянской онъ вѣдь жпрушки,
Онъ заботной былъ на крестьянскую работушу,
Онъ снацливый (ласковый, заботливый) до сердечныхъ былъ родителей,
Нарѣкалъ (отвѣчалъ) всегда великимъ желаньемъ;
Какъ ходили по крестьянской по работушкѣ
Мы (говорить мать) за шуточки работу работали,
За веселье день по вечеръ коротали;

*) Ласкательное названіе супруговъ: „семейшкой“ называются какъ супруга, такъ и супругъ.

) Вѣтляныи—привѣтливый; *) Нетутушка—невѣстка.

Пройдетъ день да тутъ у насъ невидаючи,
 По скорешеньку работа сработается;
 Онъ снѣвалъ да звонъ—унылы жалки пѣсенки,
 Спотѣшалъ да молодецку свою молодость,
 Доброумились побѣдны мы головушки,
 Какъ орелъ да быто въ садѣ воспѣваетъ,
 Какъ соловьюшко въ зеленомъ возжасюпляетъ (воспѣваетъ),
 Дивовались всѣ вѣдь добры людюшки.“

Дочь, оплакиваемая матерью, похваляется за то, что

„У стола была любимая стряпеюшка
 За столомъ да дорогая была ткюшка.
 Изъ котурна, досужа рукодѣльница
 Вышивала всяки разны полотенечки“.

Мачиха изображается не симпатично: она называется злодѣйкой, лихой; она „сурово похаживаетъ, грубо на чужихъ дѣтей поглядываетъ, все не ласково она разговариваетъ“; „каково тепло отъ буйнаго отъ сивера, таково добро отъ лихой живе мачихи“. Мачиха сознаетъ трудность, щекотливость своего положенія въ чужой семьѣ: „Не дай, Боже, вѣдь того, говорить она: не дай, Господи, дитей растить безъ желанныхъ родителей, ихъ воспитывать: тихо сказать дитямъ—не нослупаютъ, сурово сказать—обижаются..... Много ума надо разума въ головушку какъ воспитывать сердечныхъ чужихъ дѣтушекъ“.

Изъ представителей власти, благочинія въ причитаньяхъ поминаются: мировой посредникъ, исправникъ, становой, староста, писарь, лѣкарь и священникъ (попъ).

Мировой посредникъ обрисовывается крайне несимпатично: онъ называется злымъ міроѣдомъ, разорителемъ крестьянъ православныхъ; набѣзжаетъ онъ въ деревню „точно черный быдто воронъ приналетываетъ“ и, взыскивая казенныя подати, расправляется съ крестьянами люто немилостиво: во всѣ стороны какъ пламень, какъ звѣрь кидается, „быдто Свирь рѣка, посредникомъ свирѣбой, быдто Ладожско великое сердитое; крестьяне „посреднику въ глаза поклоняются, позаочь его бранять да проклинають“.

Староста представляется защитникомъ крестьянскихъ интересовъ: „онъ не плутъ бытъ до васъ, говорится въ одномъ плачѣ, не лиходѣйничекъ, соболѣзновалъ объ обществѣ собранномъ, онъ стоялъ по васъ стѣной да городской отъ злыхъ мировыхъ да злыхъ посредниковъ“.

Писарь также очерчивается привлекательно: *хитромудрый*, онъ также какъ и староста, называется стѣной городской крестьянъ. Замѣчательно, что въ одномъ причитаніи его просятъ, когда онъ предстанетъ на второмъ пришествіи у престола Господня, поразсказать Владыкѣ многомилостивому

„Што неправедные судьи разселяются,
 Свысока глядятъ оны да выше лѣсушку,
 Злокоманно ихъ ретивое сердечушко,
 Точно ледъ какъ на синемъ морѣ;
 Не жуды отъ ихъ злодѣевъ не укроешься,
 Во темныхъ лѣсахъ найдутъ они дремучихъ,
 Все допущутъ въ горахъ оны высокнхъ.
 Доберутся вѣдь во матушкѣ сырой землѣ,
 Во конецъ оны крестьянъ всѣхъ раззоряють“.

Доктора-мѣкаря поминаются въ качествѣ производителей анатомированія труповъ — операціи очень не любезной, непріятной народу, почему считаютъ необходимымъ уговорить ихъ, задарить, чтобы они „не патрушили“ человѣка, „не пороли его бѣлой груди, не вынимали его сердца и предали тѣло его землѣ „безъ терзанья“.

Священникъ въ причитаныхъ восхваляется за то, что былъ не пьяница („не-упьянслива головушка“), охотно занимался крестьянскими работами, усердно, старательно исполнялъ требы, не стѣняясь ни временемъ, ни погодой и исправно совершалъ церковныя службы.

Таковы вѣрованія, представленія и бытовыя черты, съ которыми мы встрѣчаемся въ причитаныхъ сѣвернаго края.

В. Снитко.



Мѣстная епархіальная хроника.

11 минувшаго октября въ церкви Кондопожскаго прихода, петро-заводскаго уѣзда, предъ совершеніемъ Божественной литургіи, по чиноположенію церкви православной, присоединсны къ православію четверо заблуждавшихся въ расколѣ отроковъ: Василій Андреевъ Никулинъ, 14 лѣтъ, Давидъ Андреевъ Никулинъ—13 лѣтъ, Прохоръ Кирилловъ Прохоровъ—12 лѣтъ и Петръ Кирилловъ Прохоровъ—10 лѣтъ. Всѣ четверо—до присоединенія слушали у мѣстнаго священника І. С. уроки по закону Божію, и затѣмъ, по присоединеніи, выслушали отъ него пастырское наставленіе касательно ихъ будущей жизни и дѣятельности о Господѣ. Преосвященнѣйшій Владыка Назарій, коему причтъ Кондопожской церкви донесъ объ этомъ событіи особымъ рапортомъ отъ 12 октября, выразилъ свою искреннюю Архипастырскую радость по поводу случившагося и поручилъ обратившихся четырехъ отроковъ особой пастырской попечительности мѣстнаго священника. Вотъ какія слова начерталъ Владыка на рапортѣ священника: *«Радуюсь и благодарю Бога, взыскавшаго милостію Своею отроковъ Василія, Давида, Прохора и Петра, Изведшаго ихъ изъ тѣмны пошибельнаго раскола и обратившаго къ Святу истинны и къ Святой Христовой Церкви. Священникъ Кондопожской церкви не оставитъ обращенныхъ своимъ пастырскимъ попеченіемъ, чтобы укрѣпить ихъ въ вѣрѣ преданности Православію»*. Нельзя отъ души не раздѣлять радости Архипастыря по поводу Кондопожскаго событія. Четыре отрока, познавшіе истинный свѣтъ вѣры Христовой и вступившіе въ лоно церкви православной, по своему возрасту еще такъ юны, что вполне могутъ въ истой простотѣ сердца вѣровать въ Бога и любить Его, такъ какъ подъ дѣвственные покровы ихъ души